



Мы уходим, уходим, уходим...

25 лет назад советские войска покинули Афганистан

В первых числах февраля 1989 года мы получили приказ передать для дальнейшего пользования жилые помещения роты, кровати, тумбочки, столы, табуретки, постельные принадлежности афганской армии. После передачи имущества и подписания актов с двух сторон моя отдельная огнеметная рота выдвинулась колонной на место построения и формирования общей колонны для отправки домой. Все ходили в приподнятом настроении. Конец войне со свистом пуль и разрывами мин и снарядов, конец снам-кошмарам. Мы едем домой, к родным и близким, к родителям и своим семьям! Почти два года без отпуска я воевал в Афганистане. А дома меня ждали любимые жена и двое детей — сын и дочь.

Команда личному составу строиться в голове колонны. Командир роты поздравил всех с достойным выполнением интернационального долга, возвращением домой. Минутой молчания почтили память погибших товарищей. Прозвучал приказ: личному составу роты совершить марш-бросок из афганского населенного пункта Шиндант в населенный пункт Кушка СССР, соблюдая скорость движения, дистанцию, словом, все меры предосторожности. «По машинам!» — и мы поэкипажно заняли места на БТРах, боевых разведывательных десантных машинах, «Уралах». Командиры взводов проверяют готовность к движению, докладывают комроты о готовности к маршу.

Как медленно тянется время! И вот, наконец, пронеслось: «Заводи!» Взревев моторами, колонна начала движение, вытягиваясь на бетонку в сторону Герата узенькой змейкой.

Встав на броне в полный рост, кричу: «Прощай, Шиндант!» Все смеются и повторяют за мной то же самое.

Всматриваюсь в загорелые обветренные мужественные лица своих бойцов, пытаюсь угадать, о чем и о ком думает каждый из них в эту минуту, что у них на душе. Одни разговаривают друг с другом, строят планы на будущее, другие смотрят вдаль, вспоминают бои в Геришках, Кандагаре, Лашкаргахе.

Прошли Кадараскан. На пути Герат. Вот знакомый мост, с которого в августе 1988 года пришлось на БРДМе лететь с откоса вниз — отказали тормоза. Машина на скорости, волнорезом врезалась в арык. Нас с водителем выбросило на землю. Встали, посмотрели друг на друга: целы, слава Богу! И стали смеяться, потому что тормоза не работали, когда летели вниз, а я кричал водителю: «Тормози!» Потом мы прокачали тормоза и двинулись дальше на выполнение поставленной задачи...

Прошли Герат, отдали честь на том месте, где 11 августа 1988 года погиб ротный любимец — замполит. Он был единственным сыном у своей мамы. Холостой, еще не обласканный невестой, не познавший счастья отцовства...

Колонна, натужно ревя моторами, медленно продвигается по горному серпантину к перевалу семи ветров. Подъем обледенел, личный состав спешил и идет рядом с техникой. Подкладываем под колеса машин мешки с песком. Кабины «Уралов» открыты, чтобы водитель мог в любой момент выскочить. Несмотря на трудности, рота все же поднялась на плато семи ветров.

А оно встретило нас снегом и ветром, на трассе был расчищен проезд, по которому можно ехать:

машины без задержки одна за другой уходили к месту сбора. Снег с обеих сторон на уровне бэтээровской башни! Даже встав на броню, вокруг можно было увидеть только снег, а вдали внизу — облака. Вот такая высота плато семи ветров!

Мне приходилось бывать здесь и раньше — весной и летом, когда все вокруг цветет и зеленеет, встает и заходит солнце. Красота неопишуемая. Но здесь в бою погиб мой друг, командир роты топливников, со своим расчетом... Овдовела его жена, остались сиротами двое ребятшек. Горько и обидно.

Совсем стемнело, когда колонна прибыла к месту ночлега. Проверили личный состав и технику. Один БРДМ с начхимом дивизии вышел из строя и застрял на блоке, в начале перевала. А все ребята настолько измотаны, что жалко озадачивать их притянуть машину. Переговорил с командиром роты и принял решение доставить технику. Взяв одного сержанта на БТР, мы выехали обратно на плато, в начало маршрута. Двигаться в обратную сторону в момент, когда ты уже почти дома, было страшновато, тем более без боеприпасов, ехали назад в пекло добровольно. Луна светила настолько ярко, что я командовал выключить фары. Сидел на броне и по радиопереговорному устройству руководил водителем. Наконец прибыли на блок, где находился неисправный БРДМ. Подцепили его тросом, туда подсел сержант, а майор перебрался ко мне в БТР. Помчались назад к сборному пункту.

Прибыли к утру уставшие, но довольные, что техника и весь личный состав в сборе. В 8.00 поступила команда строиться для награждения за выполнение воинского долга часами «Луч».

Вручало их армейское руководство, повторяя, что это подарок правительства. Мы были довольны этим подарком, вместе с тем думалось о том, почему, штампуя эти часы, никому в голову не пришло сделать на них дарственную надпись?

И вот снова команда: «По машинам!» Взревев всей своей мощью, колонна выдвигается домой, к мирной жизни. Курс — на Родину, на Кушку.

Прошли Тарагунди и вышли к мосту через речку Кушка. Открыты ворота границы. Они мне помнятся еще с 1987 года, когда, как-то прозевав поворот дороги на базу, я чуть не влетел в них. Соскочил тогда с брони, подбежал к воротам. И тут с той стороны бежит пограничный наряд, сержант кричит, чтобы немедленно уезжали. Да как же уехать, не дохнув свежего ветра своей стороны? Знаю, что нарушаю, и в то же время достаю сигареты, сую голову в ворота и курю. Потом возвращаюсь на броню, и мы мчимся назад на базу...

И вот сегодня эти ворота распахнуты передо мной. На противоположной стороне моста выстроен оркестр и играет «Прощание славянки». В этот момент так защемило в груди. Посмотрел я на своих бойцов и вздрогнул: по суровым обветренным лицам текут слезы... Прибыли на место сбора, прыгнули с техники на землю и стали качаться в снегу, играть в снежки, обнимать друг друга и поздравлять с возвращением из ада.

А потом была пронзительная тишина. Ни свиста пуль, ни взрывов снарядов и мин. Спустя какое-то время где-то забренчала гитара, а с другой стороны, стали доноситься мелодии с магнитофона-кассетника. А нам жутко хочется спать. Получив

от командира роты команду «отдохнуть», все, кроме наряда, устроились в палатках.

И вот утро нового мирного дня. Мы умылись и позавтракали, а комроты озвучил дальнейший приказ: передислоцироваться из населенного пункта Кушка на станцию Тахтабазар. Это сотня километров, и мы совершили этот марш благополучно. Стали на довольствие на базе танкового полка, который вышел из Афганистана в 1986 году. Пошла спокойная мирная жизнь.

Готовились к расформированию: проводили занятия, сдавали оружие, бронжилеты, технику.

В первых числах марта командир роты дал отпуск. Домой ехал окрыленный, ведь там уже знали, что я в Союзе. Но по пути случались разного рода казусы. Например, в кассах аэропорта Ашхабада не было билетов на самолет в сторону Белоруссии. Зато они были у перекупщиков, которые сдирали тройную цену. Почти двое суток пришлось кантоваться, пока удалось купить билет до Минска за двойную стоимость. И вот я в столице родной Белоруссии! С аэропорта — на железнодорожный вокзал. С билетами никаких проблем. Утром 7 марта я в Гомеле, на том же перроне, с которого в 1987 году уезжал в Афган. Тишина, в воздухе запах весны. Автобусы и троллейбусы еще не ходят. Направился к таксистам. Они видят, что я в форме, спрашивают: «Оттуда?» Закурил, разговорились. Многие стали предлагать отвезти домой. А меня стал бить какой-то колотун, в подсознании проносится вся моя дорога домой. Это какое-то ужасное наваждение, с которым я не в силах совладать. Говорю таксистам, что поеду с тем из них, у

кого есть водка. У одного, что заканчивал смену, была бутылка. Я упросил его продать, залпом выпил половину, остальное закрыл и отдал ему. Он не хотел брать, но я попросил, чтобы, когда поставит машину в гараж, выпил за мое возвращение. Он рассмеялся и согласился. Мы горячо попрощались, когда он доставил меня домой на Сельмаш.

И вот я в лифте, нажал кнопку своего этажа, еду, а сердце, словно колокол в груди, кажется, вот-вот выскочит. Мой этаж, моя квартира. Жму на звонок, слышу за дверью шаги и знакомый до боли голос: «Кто?» Отвечаю, уже не слыша самого себя: «Я». Дверь распахнулась, и сразу в объятия жены. Слышу голоса детей: «Мама, кто там?» Света отвечает: «Папа приехал!» Сынок с дочкой бегут босиком, прыгают на меня, обнимают и целуют. И в этот момент в 6.00 по радио звучит гимн Советского Союза, словно подытоживая пережитое, завершая мою афганскую Одиссею.

**Виктор Боровик,
старшина отдельной огнеметной
роты,
старший прапорщик**

Вместо послесловия

«Почему написал? Хочу, чтобы знали, как мы выходили из того ада...» — такую приписку сделал к своим воспоминаниям гомельчанин Виктор Боровик.

И вот он вместе с женой у нас в редакции — широкоплечий, уверенно стоящий на ногах. О таких говорят: настоящий мужик.

Виктор родом из деревни

Чемеры Слонимского района Гродненщины, а с россиянкой Светланой познакомился под Нижним Новгородом. После окончания сельхозтехникума в Жировичах попал служить в Германию, а оттуда поступил в школу прапорщиков под Нижним. Светлана работала там продавцом. В 1977-м поженились. Затем опять Германия, где родились их сын и дочь. В 1982 году политуправление округа направило Виктора Боровика в Гомель. Был секретарем комсомольской организации батальона, строил на ЗЛИНе, химзаводе, затем на Гродненщине, где возводился филиал Минского тракторного завода. 1987 год — Афганистан...

Сегодня Виктор и Светлана трудятся в одном коллективе, на «Водоканале». Он — мастер участка КНС, она — машинист-оператор насосных установок. Выросли дети «боровички» Георгий и Анастасия, у них свои семьи, и все мирно и ладно, с любовью, по-человечески. Дедушка и бабушка радуются внукам, которых у них уже шестеро, причем пять девчонок и один мальчишка, старший в женском батальоне, Тимофей, ему 13. Вся жизнь еще впереди!

Тамара Крюченко